

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-60-72

«СМЕЛО РЕКОМЕНДУЮ ВАШЕМУ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ЭТОГО ДОСТОЙНОГО ЧИНОВНИКА»: РОЛЬ ПРОТЕКЦИИ В ГУБЕРНАТОРСКИХ НАЗНАЧЕНИЯХ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА (1855–1861 ГГ.)

Могилевский Н. А.*Московский государственный институт международных отношений**119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Анализ роли протекции при назначениях на губернаторский пост в России в эпоху подготовки отмены крепостного права (1855–1861 гг.).

Процедура и методы. Исследование построено в основном на вводимом впервые в научный оборот корпусе архивных документов. Также использованы статьи отечественных и зарубежных авторов по рассматриваемой проблематике.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что фактор протекции в губернаторских назначениях второй половины 1850-х гг. имел очень большое значение. По большей части можно говорить о протекции клановой, при которой покровитель добивался нужного назначения для лица, с которым уже был знаком по предыдущей службе. На министра внутренних дел, от которого зависели представления кандидатов на высочайшее имя, оказывали давление не только высокопоставленные особы (министры, генерал-губернаторы, сенаторы, члены Госсовета), но даже и сами губернаторы, старясь добиться для себя перевода в удобную или привлекательную (по тем или иным причинам) губернию. При этом важно отметить, что далеко не все просьбы высокопоставленных покровителей о назначениях своих протеже на губернаторскую должность достигали успеха. В некоторых случаях им противодействовал министр внутренних дел, в других – собственное решение принимал император.

Теоретическая и/или практическая значимость работы. В статье обобщён новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введены архивные документы. Проанализирован механизм назначения (и смещения) губернаторов в период 1855–1861 гг., что имеет ключевое значение для понимания кадровой политики в период подготовки «великих реформ».

Ключевые слова: губернатор, назначения, протекция, Александр II, генерал-губернатор, Министерство внутренних дел

«I BOLDLY RECOMMEND YOUR HIGH EXCELLENCE OF THIS DECENT OFFICER»: THE ROLE OF PROTECTION IN GOVERNOR'S APPOINTMENTS ON THE PREVIEW OF THE ABOLITION OF SERFDOM (1855–1861)

N. Mogilevsky*Moscow State Institute of International Relations**prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation***Abstract**

Aim. The purpose of the article is to analyze the role of patronage in appointments to the governor's post in Russia in the era of preparation for the abolition of serfdom (1855–1861).

Methodology. The research is mainly based on the corpus of archival documents introduced for the first time to academic circulation. In addition, articles of domestic and foreign authors on the issues under consideration were used.

Results. Based on the results of the study, the author concluded that the patronage factor in the governor's appointments in the second half of the 1850s was very important. For the most part, we can talk about clan patronage, in which the patron sought the desired appointment for a person with whom he was already familiar from the previous service. The Minister of Internal Affairs, on whom the presentation of candidates for the highest name depended, was put under pressure not only by high-ranking persons (ministers, governors-general, senators, members of the State Council), but also by the governors themselves, who were trying to achieve a transfer to a convenient or attractive (for one reason or another) the province. At the same time, it is important to note that not all requests from high-ranking patrons for the appointment of their proteges to the governor's office were successful. In some cases, they were opposed by the Minister of Internal Affairs, in others – the emperor made his own decision.

Research implications. The article summarizes new material on the topic under study and introduces new archival documents to academic circulation. The mechanism of appointment (and displacement) of governors in the period 1855–1861 is analyzed, which is of key importance for understanding personnel policy during the preparation of the “great reforms”.

Keywords: governor, appointment, patronage, Alexander II, governor-general, Ministry of Internal Affairs

Введение

Первые 5 лет правления Александра II (1855–1861) выдались бурными, насыщенными: страна ожидала реформ и лихо радочно готовилась к ним. Подготовка к переменам велась одновременно и на уровне законодательном (создавались всевозможные комитеты, в которых обсуждались будущие юридические контуры преобразований), и на уровне, если можно так выразиться, исполнительном. Происходила активная ротация чиновников разной значимости в структуре власти, в частности, губернаторского корпуса. Из 49 губерний Европейской России губернаторы сменились в 39, причём во многих местах за указанный период по нескольку раз. Лишь в 7 губерниях не последовала смена «первого лица»: в Киевской, Лифляндской, Орловской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской и Тульской¹.

Как видно, губернаторский «призыв» второй половины 1850-х гг. был массовым, при этом он, несомненно, имел свои особенности и закономерности. Следует

учитывать, что губернаторский пост, при всех сложностях и издержках, с ним связанных, во все времена манил многих честолюбивых и амбициозных чиновников – недостатка в претендентах не наблюдалось. Между тем губерний в Европейской России было существенно меньше, чем желающих их возглавить. Само собой, в этом случае вожде ленное назначение чаще всего получал кандидат, обладавший хорошими связями во властных элитах. И здесь на первое место выходит феномен покровительств (протекции), представления о котором у наших современников зачастую довольно смутные. Разумеется, анализировать такое явление сложно – слишком многие договорённости достигались, что называется, *entre quatre yeux* (фр. «с глазу на глаз»). Но порой следы этих негласных соглашений всё же отражаются в источниках, и тогда учёный получает уникальный шанс заглянуть «на кухню» кадровых назначений, понять, кто и с какой целью протектировал тому или иному лицу.

Письменные источники, позволяющие пролить свет на феномен протекции при назначении на губернаторский пост в России второй половины 1850-х гг.,

¹ Все даты назначений и смещений губернаторов сверены по: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003.

имеются. Речь идёт о материалах фонда Департамента общих дел Министерства внутренних дел, сохранившихся в Российском государственном историческом архиве. Все «перемещения», «смещения» и «назначения» шли именно через этот ключевой департамент. Анализ этой документации позволит дать ответы на следующие вопросы: кто инициировал перемещения губернаторов и какие факторы на эти перемещения влияли?

В рамках данной статьи автор ставит перед собой задачу рассмотреть на конкретных примерах механизм покровительства (протекции) при назначениях на губернаторские должности в период с 1855 по 1861 гг. и выявить его основные особенности.

Состояние научного изучения проблемы

Вопрос о механизмах формирования губернаторского корпуса в России, при всей его важности, «прежде никогда не был предметом специального исследования» [1, с. 31]. Ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной историографии нет специального труда по этой проблеме, даже отдельные статьи представляют собой редкость. Среди учёных досоветского периода можно выделить И. А. Блинова, отмечавшего: «К существенным недостаткам рассматриваемого нами законодательства принадлежит отсутствие хотя бы какого-либо порядка при назначении губернаторов. Нет ничего сколько-нибудь определённого – всё зависит от случая, и в особенности от протекции»¹.

На отсутствие чёткого механизма отбора губернаторов обращали внимание и другие видные дореволюционные историки права – Н. М. Коркунов² и А. Д. Градовский³.

¹ Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. М., Тверь, 2008. С. 196.

² Коркунов Н. М. Русское государственное право. Пособие к лекциям. Издание второе. Т. II. СПб., 1893. С. 241.

³ Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 9. Ч. 3. СПб., 1908. С. 232.

В советское время тема местного управления долгое время не привлекала внимания специалистов. Лишь с выходом книги П. А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» можно говорить об обращении советских учёных к обозначенной проблематике. Интересно, что П. А. Зайончковский, не рассматривая специально вопроса назначения и смещения губернаторов, был солидарен с И. А. Блиновым в том, что «подбор кандидатов на пост губернатора определялся целым рядом соображений, далёким от оценки деловых качеств» [2, с. 210].

Не все, однако, разделяли эту точку зрения. Видный американский советолог Р. Роббинс доказывал, что устоявшееся клише, утверждавшее, что МВД выдвигало неспособных людей на губернаторские посты, не соответствует действительности. Наоборот, полагал он, к концу XIX в. «МВД всё чаще выбирало губернаторов среди тех кандидатов, чьё образование и предыдущая служба подготовили их к выполнению обязанностей в своей должности» [6, р. 542].

В наши дни исследователи стали уделять несколько большее внимание проблеме назначения и смещения губернаторов: здесь следует назвать статьи М. М. Шумилова [5], А. Н. Бикташевой [1]⁴ и А. С. Минакова [3]. Между тем белых пятен и лакун в этой теме по-прежнему значительное количество: это касается как анализа самого механизма отбора и назначения, так и выбора временных периодов. Некоторые годы (скажем, первая половина XIX в. или его последние десятилетия) привлекли вни-

⁴ См. также: Бикташева А. Н. Механизмы увольнения губернаторов России: опыт Казанской губернии первой четверти XIX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2006. № 2. С. 123–128; Бикташева А. Н. Критерии отбора российских губернаторов: опыт Казанской губернии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Вып. 10. С. 107–113.

мание учёных, в то время как другие (в частности, рассматриваемый в этой работе этап) совершенно от него ускользнули. Тем самым можно констатировать, что настоящая тема всё ещё актуальна для исследований, для чего необходимо вводить в научный оборот новые архивные материалы.

Что касается феномена протекции, то, к сожалению, по этой животрепещущей и важной теме практически ничего не написано. Счастливым исключением является статья И. Т. Шатохина, в которой учёный справедливо констатирует: «Протекция в многочисленных канцеляриях, присутствиях, департаментах, во всех столичных и провинциальных коронных учреждениях была обычным и обыденным явлением. Её ищут, предлагают и принимают, констатируют и высмеивают» [4, с. 113].

Шатохин предложил следующую классификацию видов служебной протекции по признаку социально-психологической мотивации:

- 1) коррупционная протекция;
- 2) альтруистическая протекция;
- 3) протекция родственников;
- 4) дружеская протекция;
- 5) корпоративная протекция [4, с. 114].

Однако автор признаёт несовершенство предложенной им схемы, отмечая, что «предлагаемая классификация построена по одному признаку, кроме того, она не учитывает того обстоятельства, что очень часто протектировать одного кандидата одновременно или последовательно, но в крайне ограниченные сроки могли разные люди, каждый из которых имел свою внутреннюю мотивацию, а порой и не одну» [4, с. 117].

Действительно, как будет показано ниже, предложенная схема не учитывает ещё одного, весьма распространённого, вида протекции – назовём его *клановым*. Этим термином обозначим продвижение на более высокие посты тех людей, с которыми оказывающий протекцию уже прежде работал, знал их деловые и лич-

ные качества и хотел заручиться их поддержкой, продвинув на новые, более высокие, должности.

Правовые и институциональные основы механизма губернаторских назначений

Итак, главный парадокс заключается в том, что никаких чётких законодательных механизмов отбора и назначения губернаторов в российском законодательстве предусмотрено не было. Действительно, такая правовая лакуна не может не удивлять. Не было ни одного формального критерия для занятия одного из ключевых внутриполитических постов в стране: ни образование, ни опыт предыдущей службы, ни социальное происхождение, ни имущественный ценз. Единственное, в законе было прописано, что назначение «хозяина губернии» является исключительной прерогативой императора, а подавать списки кандидатур на высочайшее рассмотрение должно Министерство внутренних дел (причём делать это следовало через Комитет министров)¹.

Отсутствие в законе внятного прописанного механизма назначения на губернаторский пост было, очевидно, не случайным. Можно высказать 2 предположения на этот счёт. Во-первых, стоит согласиться с мнением, что «верховой власти импонировало волевое решение кадровых вопросов... Монарх, нестеснённый законодательными рамками, самолично мог перемещать губернаторов независимо от того, кто рекомендовал ему их кандидатуры» [3, с. 3]. Но даже предположив, что монарх и был бы «стеснён» какими-то юридическими нормами, вряд ли стоит придавать этим ограничениям серьёзный характер.

Императорская власть в России на всём протяжении XIX в. была тотальной, и всякий самодержец рассматривал самые робкие намёки на её ограничения (читай – на попытки поставить её

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 2857.

под действие закона) как покушение на сами государственные устои. Даже Александр II в первые годы своего правления (в рассматриваемый период), когда его реформаторский порыв достигал максимума, твёрдо охранял собственную «самодержавность». Недаром тётка царя великая княгиня Елена Павловна предупреждала: «Государь вообще боится всякого прямого вмешательства. *Il est jaloux de son pouvoir*»¹ (фр. – он ревниво относится к своей власти).

Во-вторых, отсутствие письменных, формальных, норм назначения губернаторов вполне естественно компенсировалось правилами негласными, неформальными, основанными на раскладе сил при императорском дворе. Назначение губернаторов являлось ареной борьбы различных групп влияния высшей знати, приближённой к царскому двору. Самодержец, лавируя между этими группировками, мог принять любое решение исходя из собственных расчётов и выгод. Политика *divide et impera* (лат. – разделяй и властвуй) во все времена служила способом утвердить власть государя в придворной среде, и раздача должностей была одним из самых эффективных способов поощрения тех или иных сановников или стоящих за ними кланов.

Одним из главных чиновников, имевших непосредственное влияние на назначение и смещение губернаторов, был министр внутренних дел. Это неудивительно, поскольку «хозяева губерний» были в его непосредственном подчинении, хотя, как уже было сказано, напрямую их назначать и увольнять он не мог. Но мог влиять на решение императора, подавая свой голос за или против того или иного кандидата на губернаторский пост. Мог, наконец, сам выступать с инициативами о назначении, перемещении или увольнении губернаторов. Очень многое в этом случае, конечно, зависело

от личных качеств министра, его активности, аппаратного веса, наконец, от его представления о том, какие люди должны становиться губернаторами.

Само собой, «министры внутренних дел уделяли поиску “достойных” кандидатур немало внимания. Однако это не всегда удавалось. Иногда у министра выбор был не слишком широк, иногда сделать его мешали политические и иные соображения, и всегда присутствовала опасность ошибиться» [5, с. 205]. К рекомендациям министра император, конечно же, прислушивался, хотя бы потому, что «не имел возможности проверять, а тем более знать лично все предлагаемые ему кандидатуры» [3, с. 3]. Но как выясняется из анализа архивных материалов, не всегда рекомендация главы МВД приводила к назначению на губернаторский пост, к тому же не только министр внутренних дел старался продвигать своих протеже.

Министерская протекция

Назначенный министром внутренних дел в 1855 г. Сергей Степанович Ланской был, по отзывам многих, человеком мягким, поддававшимся стороннему влиянию. Так, например, по словам Д. А. Милютин, Ланской «давал водить себя другим закулисным деятелям»². Однако это суждение вряд ли можно считать совершенно справедливым, например, хорошо знавший министра по службе П. А. Шульц (делопроизводитель в Остзейском комитете в Петербурге) писал: «...мнение о безличности Ланского и подчинении его чужому влиянию было весьма ошибочно. Под добродушной своей улыбкой и полным отсутствием трескучих фраз Ланской скрывал самые твёрдые убеждения, самое непреклонное следование по избранному пути»³.

² Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 45.

³ Остзейский комитет в Петербурге в 1856–1857 гг. Из воспоминаний Павла Антоновича Шульца // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 130.

¹ Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии. Т. 1. Кн. 2. М., 1904. С. 26.

Ланской, конечно, не был прирождённым реформатором, бросившим вызов старой крепостнической системе, но был опытным чиновником и царедворцем, обладавшим широким кругозором и неплохо знавшим людей. Не менее тонко чувствовал он момент: эпоха требовала беспощадной замены губернаторов, не справлявшихся с вызовами времени (т. е. с подготовкой к реформам), их замены кандидатурами, более подходящими.

В мае 1856 г. генерал-адъютант П. П. Ланской сообщил министру (которому приходился двоюродным братом), что против владимирского губернатора генерал-лейтенанта В. Е. Анненкова «слышатся общее неудовольствие, общий ропот на бездействие власти, на продажность администрации, стремящейся не к пользе и благу общему, но к скорейшему обогащению посредством незаконных нажив: а где их нет, или не предвидится, администрация остаётся в паралитическом бездействии»¹. Министр Ланской отреагировал на жалобу оперативно, во всеподданейшем докладе поддерживая идею уволить Анненкова (о котором «и прежде доходили самые неблагоприятные сведения») от должности с зачислением «по армейской пехоте».

Для того чтобы заместить потенциально вакантное место владимирского губернатора управляющий Министерством внутренних дел предложил императору многоходовую комбинацию: на место Анненкова перевести витебского гражданского губернатора Е. С. Тиличеева («который усердно и деятельно управляет губернией в течение с лишком 3 лет, но весьма страдает от влияния тамошнего климата»), а в Витебскую губернию назначить состоящего при МВД статского советника Г. Д. Колокольцева, «отлично рекомендуемого генерал-адъютантом графом Киселёвым, имевшим случай убедиться в достоинствах Колокольцева во время управления им Полтавской

и Курской палатами государственных имуществ». Все предложения Ланского по перемещениям во Владимирской и Витебской губерниях были одобрены императором².

Колокольцев, правда, возложенного на него доверия не оправдал: осенью 1858 г. Комитет министров усмотрел, что «на витебского гражданского губернатора возникают весьма важные обвинения в упущениях и беспорядках по разным частям управления вверенной ему губернией. Посему признаётся совершенно неудобным оставлять д.с.с. Колокольцева при занимаемой ныне должности». Министры просили назначить нового губернатора в Витебскую губернию, а Колокольцева причислить к МВД. Александр II согласился с этим представлением, подписав 24 октября 1858 г. указ об увольнении Колокольцева и назначении на его место П. Н. Клушина³.

В другой раз С. С. Ланской настоял на увольнении от должности минского губернатора Ф. Н. Шкларевича, на которого неоднократно доходили «неблагоприятные сведения» (жалобы стекались и по линии МВД⁴, и по линии III Отделения⁵), в связи с чем министр просил императора заменить Шкларевича другим лицом, «более соответствующим званию начальника губернии»⁶.

При этом не всегда С. С. Ланской выступал как «карающая десница», порой он предлагал императору повысить того или иного вице-губернатора до губернатора. Так было с астраханским вице-губернатором Б. В. Струве, проведшим 2 года в этой должности и, по мнению министра, «вполне ознакомившимся с потребностями тамошнего края» и готового стать губернатором⁷. Точно так же управляющий МВД просил о повышении

² РГИА. Ф.1284. Оп. 41. 1856. Д. 90. Л. 10. Об. 11.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1858. Д. 111. Лл. 1–2.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 157. Лл. 3–4.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 223. Д. 21. Л.25 об.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 157. Лл. 1–1 об.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1859. Д. 93. Л. 55.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1284. Оп. 41. 1856. Д. 90. Л. 4 об.

для тверского вице-губернатора Е. Н. Извекова, которого прочил в симбирские губернаторы «с производством его в действительные статские советники, так как он в настоящем чине состоит 13 лет и по усердной службе вполне заслуживает повышения»¹.

Иногда министр внутренних дел предлагал императору кандидатуры людей, лично ему известных, на губернаторские позиции, не поясняя, чем продиктован выбор. Так произошло с замещением вакансии волынского гражданского губернатора: она открылась в связи с переводом бывшего там губернатором П. Н. Клушина на место директора отделения промышленности и художеств в Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. Вместо Клушина Ланской предложил императору кандидатуру смоленского губернского предводителя, д.с.с. князя М. В. Друцкого-Соколинского. Император оставил на докладе министра помету: «исполнить»².

Как видно, роль министра внутренних дел в назначениях (а также смещениях) губернаторов была довольно велика, что неудивительно: именно он делал доклад императору по кадровым перемещениям. Очевидно, однако, что не только глава МВД мог оказывать протекцию, назначать или смещать губернаторов. Уместно поставить вопрос: какие ещё высокопоставленные персоны могли «проводить» своих протеже на губернаторские посты?

Наряду с министром внутренних дел и главы других министерств старались протектировать своих ставленников на губернаторские должности. Несмотря на то, что отношения между министерствами порой оставляли желать лучшего (шла постоянная подковерная борьба, полная интриг и взаимных обид), порой глава МВД всё же шёл навстречу пожеланиям коллег по кадровым назначениям в губернаторском корпусе.

В качестве примера такой сговорчивости С. С. Ланского можно привести просьбу военного министра Н. О. Сухожанета, ходатайствовавшего о назначении в Новгородскую губернию лично ему знакомого бывшего помощника начальника пахотных солдат Витебской и Могилёвской губерний генерал-майора В. И. Филипповича. Филиппович, в конечном счёте, не только стал губернатором (удержавшись на этом посту до 1862 г.), но и получил производство в чин генерал-лейтенанта³.

Но чаще ситуация складывалась ровно противоположным образом. Например, случай с ходатайством министра Императорского двора В. Ф. Адлерберга, составлявшего протекцию действительному статскому советнику П. Н. Арапову (бывшему при нём чиновником по особым поручениям). Желая выбить своему подчинённому «тёплое местечко», Адлерберг обратился к министру внутренних дел, прося за Арапова: дескать, тот «желал бы занять место гражданского губернатора в одной из внутренних Великороссийских губерний; ибо, прослужив более 23 лет по Министерству внутренних дел ... он приобрёл надлежащую для того опытность». «Будучи совершенно доволен службой г-на Арапова, – продолжал Адлерберг, – я со своей стороны имею честь рекомендовать его Вашему высокопревосходительству и покорнейше просить предоставить ему, при открытии вакансии, означенную должность, если признаете сие возможным»⁴. Казалось, назначение вот-вот произойдёт, но совершенно неожиданно Ланской наложил veto на ожидаемое решение вопроса, причём в весьма резком тоне: «В настоящее время я не предвижу к тому никакой возможности при значительном числе кандидатов на губернаторские должности, остающихся ещё не размещёнными»⁵.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 90. Лл. 1–1 об.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 150. Л. 6.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1857. Д. 102. Л. 1.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1857. Д. 54. Лл. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 4.

Генерал-губернаторская протекция

В российской властной вертикали середины XIX в. практически наравне с министрами стояли генерал-губернаторы, назначаемые царём из кадровых военных. Они должны были лично гарантировать порядок и стабильность в наиболее проблемных и отдалённых регионах. Если в начале века существовали всего 3 генерал-губернаторства (с 8 губерниями в них), то к 1850 г. их уже было 10 (с 12 губерниями). Генерал-губернаторы назначались прежде всего в национальные окраины (в Финляндию и Прибалтику), на юг (в Новороссию), а также в земли за Уралом (в Западную и Восточную Сибирь и в Оренбургский край); кроме того, в обе столицы также назначались генерал-губернаторы с неограниченными полномочиями.

Эти специальные агенты императора, лично ему знакомые и пользовавшиеся практически неограниченным монаршим доверием (и такими же неограниченными, по сути, полномочиями), разумеется, вносили свою лепту в процесс формирования губернаторского корпуса. Контролируя ход дел сразу в нескольких губерниях, генерал-губернаторы были сильно заинтересованы в том, чтобы под их руководством служили люди, проверенные, надёжные и лояльные.

Виленский, гродненский и ковенский генерал-губернатор В. И. Назимов был одним из доверенных людей императора Александра II. Состоя при наследнике престола с 1836 г., он сумел заручиться полным расположением будущего государя. Аппаратный вес Назимова, выражаясь современным языком, был весьма значителен, поэтому он считал себя вправе фактически лично подбирать губернаторов в те области, за которые нёс ответственность. В апреле 1856 г. он ходатайствовал перед С. С. Ланским об определении на место гродненского губернатора (вместо просившегося в отставку барона фон дер Ховена) директора

1-й Московской гимназии д. с. с. Шпеера, «известного мне своими способностями в административном управлении, знающего совершенно гражданское дело-производство, благонамеренного во всех отношениях, за действия коего я вполне могу ручаться, и который при представлении его мною Вашему Высокопревосходительству в С.-Петербурге удостоился уже милостивого обещания Вашего получить таковую должность при первой возможности»¹.

В сентябре 1857 г. Назимов просил о назначении на пост виленского губернатора М. Н. Похвиснева, тамошнего вице-губернатора. И вновь генерал-губернатор не скупился на похвалы своей креатуре: Похвиснев уже седьмой месяц замещает отсутствующего губернатора А. И. Росета и «успел приобрести общее к себе доверие и уважение», вследствие чего, продолжал Назимов, «смело рекомендую Вашему Высокопревосходительству этого достойного чиновника, особенно полезного для службы в здешнем крае»². Точно так же нахваливал Назимов отставного полковника С. Ф. Хоминского, которому прочил место губернатора в Ковно. Оба они (Похвиснев и Хоминский), заверял Назимов, «отличаются особенным усердием к службе и по опытности, справедливости и примерной деятельности приобрели всеобщее уважение и полное право на особое к ним внимание начальства». В итоге министр внутренних дел согласился сделать Александру II представление о назначении виленским губернатором Похвиснева, а ковенским – Хоминского, и царь вполне предсказуемо одобрил обе кандидатуры³.

Назимов вообще часто одобрительно отзывался о своих сотрудниках, причём не только потенциальных, но и бывших. Когда ковенский губернатор И. В. Романус (предшественник Хоминского) попросил Ланского о переводе «по семей-

¹ РГИА. Ф.1284. Оп.41. 1856 г. Д.76. Лл.2–2 об.

² РГИА. Ф.1284. Оп.41. 1857 г. Д.149. Лл.1–1 об.

³ Там же. Лл. 8–8 об.

ным своим обстоятельствам» в одну из «внутренних губерний», Назимов написал Ланскому, что очень доволен службой Романуса, входит в его семейные обстоятельства и тоже ходатайствует о его переводе¹.

При этом не всегда протекция Назимова оканчивалась успешно. Скажем, неудачей обернулась его попытка сделать минским губернатором председателя виленской казённой палаты д. с. с. де Роберти. Узнав, что прежний минский губернатор, генерал-майор И. А. Россет, будет переведён на другую должность (членом Временного распорядительного комитета по устройству южных поселений), Назимов вновь написал С. С. Ланскому. В письме он заверял министра в «отличных качествах и совершенной благонадёжности» де Роберти; напоминал, что, когда в декабре прошлого года тот лично представлялся Ланскому, министр пообещал «иметь его в виду при открытии вакансии»; убеждал, что «никто более не соответствовал бы к занятию теперь должности Минского губернатора как он, по тому уважению, что ему вполне известно положение края, в составе коего ещё недавно находилась Минская губерния»; наконец, генерал-губернатор подчёркивал, что де Роберти, «ознакомившись уже с некоторыми значительнейшими и образованнейшими помещиками сей губернии, конечно, приобрёл бы вскоре доверие местного дворянства и принёс бы тем истинную пользу для предпринятого столь важного дела, и я поставил бы себе приятным долгом оказывать ему со своей стороны всякое содействие моими наставлениями и советами, чрез что установилось бы такое единство в действиях начальств соседних губерний, весьма необходимое для желаемого исхода сего дела»².

Казалось, что у Ланского нет оснований возражать против этой протекции. Но ситуация повернулась неожиданным

образом: министр ответил Назимову, что ещё до получения письма с ходатайством о де Роберти минским губернатором император уже назначил Э. Ф. Келлера³. Пикантность ситуации состояла в том, что письмо Назимова было получено 8 февраля, и в тот же день состоялось назначение Келлера⁴. Остаётся неясным, то ли Ланской не захотел идти против воли императора, то ли сознательно ввёл в заблуждение Назимова.

Ещё в одном случае личное вмешательство государя спутало все карты Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву, ходатайствовавшему о назначении петербургским гражданским губернатором Н. М. Муравьёва, в ту пору бывшего губернатором в Рязани. В письме Александру II Игнатьев приводил, казалось, неопровержимые доводы в пользу своего протекже: «При предстоящей перемене начальника С.-Петербургской губернии ввиду нынешних обстоятельств, полагаю существенно важным, чтобы губерния сия была вверена губернатору, вполне в управлении опытному. Частных беспорядков здесь более, нежели где-либо ожидать должно: на подобные случаи губернатор должен быть заранее и практически приготовлен. Доселе губернаторы в С.-Петербурге назначались из числа лиц, исполнявших те же обязанности в других губерниях. На этом основании осмеливаюсь ходатайствовать о назначении сюда кого-либо из числа губернаторов... я считаю соответствующим требованиям рязанского гражданского губернатора д. с. с. Муравьёва, в бытность здесь вице-губернатором неоднократно губернией управлявшего». Однако у самодержца были свои планы относительно столицы. «Дождаться ответа гр. Бобринского», – ответил он Игнатьеву, тем самым дав понять, что именно А. А. Бобринского видит петербургским губернатором (последний в итоге и был назначен столич-

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1857. Д. 139. Л. 39 об.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1858. Д. 25. Лл. 5 об. – 6 об.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 4.

ным губернатором 12 января 1861 г.)¹.

Не менее активно своих протеех отстаивали и другие влиятельные генерал-губернаторы. Киевский генерал-губернатор И. И. Васильчиков в октябре 1856 г. просил С. С. Ланского выхлопотать у императора увольнение с пенсионом (и причисление к МВД) для подольского губернатора М. В. Степанова, а на его место перевести подольского вице-губернатора В. Ф. Пфеллера, который «успел вполне узнать потребности губернии и особенное и исключительное её положение, изучить население её – со всеми разнообразными его стремлениями, многочисленные местные особенности и, наконец, необходимые условия управления сей губернией. Поэтому он, несомненно, будет весьма полезным в должности начальника губернии, тем более что он, как мне известно, приобрёл уважение и влияние в губернии, с коими соединяется, и доверие населения, составляющее важное условие для успешных действий управления». Васильчиков подчёркивал, что готов ручаться за свою креатуру: «Лично мне г. Пфеллер известен как человек русский по душе и по убеждениям², как чиновник опытный и благонамеренный»³. Ланской возражений не имел, равно как и император. В итоге Степанов был уволен с пенсионом и причислен к МВД, а Пфеллер стал губернатором⁴.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1860. Д. 126. Л. 11.

² Ещё с 1831 г., по секретному повелению Николая I в западных губерниях, в Прибалтике и в Царстве Польском необходимо было замещать губернаторские должности (а также вице-губернаторские, губернских прокуроров, уездных стряпчих и даже почтмейстеров) чиновниками «по возможности русского происхождения». Подтверждённый в 1855 г., этот запрет создал большие сложности с замещением низших «незначительных» должностей. В результате в 1857 г. он был отменён, но Александр II считал «привлечение русских благонадежных чиновников для службы в сих губерниях весьма полезным и теперь» [5, с. 205–206]. Генерал-губернаторам приходилось держать в голове это обстоятельство при выборе кандидатур на губернаторские должности.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 198. Л. 46 об.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 198. Л. 49.

Другой генерал-губернатор – лифляндский, эстляндский и курляндский – А. А. Суворов в декабре 1858 г. просил Ланского способствовать назначению в Эстляндию губернатором, вместо И. Е. Гринвальда (тот обратился к Суворову с просьбой об увольнении от должности «по расстроенному здоровью»), «известного мне с отличной стороны и состоящего при Министерстве государственных имуществ генерал-майора В. К. Ульриха, о котором вашему высокопревосходительству уже были представлены одобрительные и лестные отзывы»⁵. 27 декабря 1858 г. Ульрих был назначен эстляндским губернатором.

Успешно окончилось и ходатайство московского генерал-губернатора С. Г. Строганова о назначении московским гражданским губернатором Ф. П. Корнилова⁶.

Протекция сенаторов, членов Госсовета и самих губернаторов

Не только министры и генерал-губернаторы имели достаточный политический вес, чтобы оказывать протекцию в получении места губернатора. Иногда на себя эту функцию брали другие влиятельные сановники – сенаторы, члены Государственного совета и прочие высокопоставленные и влиятельные лица.

В описанном выше случае с назначением Г. Д. Колокольцева обращает на себя внимание ссылка министра Ланского на рекомендацию одного из высокопоставленных николаевских сановников, графа П. Д. Киселёва, долгие годы возглавлявшего Министерство государственных имуществ. Киселёв, слывя одним из самых близких к покойному императору людей, был при этом человеком широких взглядов и, насколько это было в его силах, старался реформировать вверенные ему отрасли государственного управления, за что пользовался большим уважением и авторитетом в обществе.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1858. Д. 129. Лл. 4об.–5.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1859. Д. 188. Л. 4.

Для Александра II престарелый граф уже не был столь незаменимой фигурой – молодой царь, едва взойдя на престол, фактически отправил Киселёва в почётную отставку, назначив его русским послом в Париже. Однако и в новом своём качестве Киселёв не окончательно утратил своего влияния. Помимо случая протекции Колокольецу, он значительно содействовал назначению губернатором в Архангельск лично ему знакомого Н. И. Арандаренко – бывшего управляющего палатой государственных имуществ в Курске¹.

К примерам удачных ходатайств, безусловно, стоит отнести историю перевода В. А. Арцимовича из Тобольской губернии в Калужскую. Арцимович – один из лучших (если не лучший) губернаторов эпохи (это мнение разделяли не только его коллеги, но и начальство, в частности, министр С. С. Ланской²) – совершенно рассорился с генерал-губернатором Западной Сибири Г. Х. Гасфортом³. Главным заступником Арцимовича в столице выступал его тесть, сенатор М. Н. Жемчужников. Человек очень уважаемый и влиятельный, сенатор имел хорошие отношения со многими высокопоставленными людьми в столице, в частности, с министром внутренних дел. В частных беседах с С. С. Ланским Жемчужников хлопотал о переводе Арцимовича в любую другую великорусскую губернию (Черниговскую, Воронежскую), но безуспешно.

При этом сенатор не терял оптимизма, стараясь в письмах поделиться им с Арцимовичем: «Насчёт же твоего перемещения в другую губернию я буду хлопотать по возвращении Ланского в Петербург. Авось, Бог поможет сделать что-либо полезное для тебя. Будем уповать и не будем унывать, а будем благоразумно бодрствовать. Добрый Ланской, как я вижу, очень желает переместить тебя, но он не совсем

в своей воле»⁴. В конце концов, настойчивость Жемчужникова принесла плоды: в июле 1858 г. В. А. Арцимович был назначен калужским гражданским губернатором.

Случай с Арцимовичем стоит признать редким: министр внутренних дел, во-первых, не скрывал приятельских отношений с его патроном, сенатором Жемчужниковым, и, во-вторых, явно симпатизировал самому Арцимовичу. Именно поэтому он так охотно старался удовлетворить просьбу о переводе последнего из Тобольской губернии. Но не всегда министр бывал так благодушен. Довольно иезуитски, например, он ответил влиятельному, сановному и родовитому А. Ф. Голицыну (члену Государственного Совета), который просил Ланского объяснить, почему был уволен протеже Голицына, пермский губернатор П. А. Замятнин, и почему у него такая маленькая пенсия⁵. Ответ Ланского гласил: «...Назначения и увольнения гражданских губернаторов зависят исключительно от усмотрения государя императора, и увольнение д. с. с. Замятнина, исправлявшего должность губернатора, последовало также на основании лично переданного мне Его Величеством повеления»⁶. Иными словами, министр напомнил Голицыну, что формально он тут совершенно ни при чём – всё зависит от воли государя. Опытный и ловкий придворный Голицын прекрасно понимал, что это отговорка: император довольно редко вмешивается в кадровые назначения в губернаторском корпусе – но поделать ничего не мог.

Иногда протекцию губернаторам составляли... они сами, обращаясь напрямую к министру внутренних дел. Именно так поступил в сентябре 1856 г. воронежский губернатор Ю. А. Долгоруков, узнавший об отставке своего нижегородского коллеги Ф. В. Анненкова. Напирая на тот факт, что в Нижегородской губернии «находятся имения жены

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 190. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 471. Л. 3 об.

³ Скропышев Я. С. Тобольская губерния в пятидесятых годах // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. С. 27–33, 69–72.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1857. Д. 175. Лл. 54–55 об.

⁶ Там же. Л. 57.

и детей моих», которые «оставаясь без надлежащего надзора, ежегодно приходят в большее расстройство», Долгоруков просил министра: «Не изволите ли найти возможность ходатайствовать о перемещении меня в звание начальника Нижегородской губернии. Генерал-майор Муравьев (имеется в виду А. Н. Муравьев, назначенный вместо Анненкова – Н. М.) к месту назначения, вероятно, ещё не отправился, и перемена назначения для него не составит никакой разности и ущерба»¹. Просьба, впрочем, осталась без ответа. Возможно, отчасти против Долгорукова сыграла устоявшаяся традиция: «Не назначать на губернаторские посты лиц, имевших в этих губерниях поместья, а также ранее занимавших там выборные должности или служивших в ведомствах местного правления» [1, с. 39].

Очень многое зависело и от личных взаимоотношений просителя (губернатора) с министром. Примером успешного восстановления на службе после увольнения с губернаторского поста является история Д. Н. Толстого. В 1858 г. именно он был освобождён от поста калужского губернатора (который и занял В. А. Арцимович), но уходить со службы вовсе Толстой не собирался. В июле 1859 г. он напомнил о себе Ланскому, ненавязчиво намекнув министру, что тот обещал вновь определить его на службу². В скором времени Д. Н. Толстой действительно вновь стал губернатором – на сей раз воронежским. В одном из первых писем Ланскому из Воронежа он не скрывал своей благодарности, отмечая, что обязан «настоящим моим назначением един-

ственно доброму обо мне мнению Вашего Высокопревосходительства»³. К Толстому Ланской в самом деле благоволил, переводя его в 1861 г. из губернаторов на важнейший пост директора Департамента полиции исполнительной в МВД.

Заключение

Как показывает проведённое исследование, фактор протекции в губернаторских назначениях второй половины 1850-х гг. имел очень большое значение. По большей части можно говорить о протекции клановой, при которой покровитель добивался нужного назначения для лица, с которым уже был знаком по предыдущей службе.

На министра внутренних дел, от которого зависели представления кандидатов на высочайшее имя, оказывали давление не только самые высокопоставленные особы (другие министры, генерал-губернаторы, сенаторы, члены Госсовета), но даже и сами губернаторы, стараясь добиться для себя перевода в удобную или привлекательную (по тем или иным причинам) губернию. Само собой, не всегда эти протекции оказывались удачными: в каких-то случаях против них выступал сам министр внутренних дел, в других – свои коррективы вносил император. Однако чаще всего ходатайства увенчивались успехом, и покровительствуемые лица получали вожаемые губернаторские посты, благо желающих стать «хозяином губернии» всегда было, как уже говорилось, достаточно.

Дата поступления в редакцию 10.02.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бикташева А. Н. Механизм назначения губернаторов в России в первой половине XIX века // Отечественная история. 2006. № 6. С. 31–41.
2. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
3. Минаков А. С. Формирование губернаторского корпуса в пореформенной России // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 3–13.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1856. Д. 184. Лл. 1–1 об.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 41. 1859. Д. 89. Л. 1.

³ Там же. Л. 12.

4. Шатохин И. Т. Протекция в среде чиновничества Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.: социально-психологическая классификация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 113–117.
5. Шумилов М. М. Губернаторские назначения в России 60–70-х годов XIX века // Россия в XIX–XX вв.: сб. ст. к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина / под ред. А. А. Фурсенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 204–209.
6. Robbins R. G. Choosing the Russian Governors. The Professionalization of the Gubernatorial Corps // The Slavonic and East European Review. 1980. Vol. 58. № 4. P. 541–560.

REFERENCES

1. Biktasheva A. N. [Mechanism for appointing governors in Russia in the first half of the 19th century]. In: *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history.], 2006, no 6, pp. 31–41.
2. Zayonchkovsky P. A. *Pravitelstvennij apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow, Mysl Publ., 1978. 288 p.
3. Minakov A. S. [Formation of the governors corps in post-reform Russia]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2007, no. 12, pp. 3–13.
4. Shatokhin I. T. [Patronage among the officialdom of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX cent.: socio-psychological classification]. In: *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science. Economics. Informatics], 2012, no. 13 (132), iss. 23, pp. 113–117.
5. Shumilov M. M. [Governor's appointments in Russia of the 60-70s of the XIX century]. In: Fursenko A. A., ed. *Rossiya v XIX–XX vv.: sb. st. k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Rafaila Sholomovicha Ganelina* [Russia in the 19th–20th centuries: a collection of articles on the 70th anniversary of the birth of Rafail Sholomovich Ganelin]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1998, pp. 204–209.
6. Robbins R. G. Choosing the Russian Governors. The Professionalization of the Gubernatorial Corps. In: *The Slavonic and East European Review*, 1980, vol. 58, no. 4, pp. 541–560.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Могилевский Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной и отечественной истории факультета международных отношений МГИМО МИД РФ;
e-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay A. Mogilevskiy – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of the World and Patriotic History, MGIMO University;
e-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Могилевский Н. А. «Смело рекомендую Вашему Высокопревосходительству этого достойного чиновника»: роль протекции в губернаторских назначениях накануне отмены крепостного права (1855–1861 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 60–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-60-72

FOR CITATION

Mogilevsky N. A. «I boldly recommend your High Excellence of this decent officer»: the role of protection in governor's appointments on the preview of the abolition of serfdom (1855–1861). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 60–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-60-72